18+

Алексей Гротов

Книга вторая: прах и рация

Алексей Гротов
Книга вторая: прах и рация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73174179
ISBN 9785006906563

Аннотация

Эта история о том, что происходит, когда попытка спасти мир оборачивается новой катастрофой.Создатель «химического счастья» Аркадий, годами скрывавшийся в бункере, узнаёт, что его сын Лев нашёл способ стереть часть реальности в безжизненный пепел. Вынужденный покинуть убежище, Аркадий отправляется в эпицентр тишины, где встречает Алису – одну из немногих уцелевших, обладающую обломком магической силы. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1: Ковчег в Тумане 8
Глава первая: ОБЛОМКИ УПРЯМСТВА 17
– Нет 20
Глава вторая: ЦАРСТВО ГРЯЗИ И ГОЛОДА 31
Глава третья: РАЗЛОМЫ 47
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Книга вторая: прах и рация

Алексей Гротов

© Алексей Гротов, 2026

ISBN 978-5-0069-0656-3 (т. 2)
ISBN 978-5-0068-8463-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Книга вторая: ПРАХ И РАЦИЯ

Пролог: Завещание Отца

Он не слышал взрыва.

Камеры на материке просто перестали транслировать. Одна за другой. Сначала – северный сектор. Потом восточный. Потом всё. На экранах осталась лишь рябь, а затем и она сменилась ровным серым цветом, как на забытом телевизоре в пустой комнате.

Учёный, создавший «Эвтюмию», сидел в своём подземном царстве из титана и стекла и смотрел на мёртвые мониторы. Его звали Аркадий. Но уже много лет он не слышал своего имени. Здесь, на острове, его не было. Здесь был толь-

ко Бункер, Проект, Наблюдатель.

Руки его не дрожали. Он рассчитал всё. Каждую переменную. Вероятность мутации – 0,03%. Вероятность утечки – ещё ниже. Вероятность того, что человечество, получив химическое счастье, предпочтёт его реальности – 87%. Он считал это допустимым риском. Он считал многое допустимым.

Но он не рассчитывал на сына.

Он не видел Льва больше десяти лет. Последний раз – на пороге их старой квартиры, мальчик смотрел ему в спину, когда он уходил с чемоданом. «Я вернусь», – солгал тогда Аркадий. Он не вернулся. Он построил здесь, на этом клочке скал посреди океана, идеальный ковчег. Для одного.

И теперь, глядя на серые экраны, он впервые за долгие годы почувствовал нечто, что не мог описать формулой. Не вину. Не раскаяние. Что-то более острое и чужеродное. Любопытство. Что сделал его сын? Что за сила стёрла с лица земли целый сектор материка? Не ядерный взрыв – детекторы молчали. Не землетрясение. Нечто иное.

Аркадий встал из кресла. Его движения были точными, экономичными. Шестьдесят два года, но тело, благодаря коктейлю из разработанных им же препаратов, слушалось как

в сорок. Он подошл к стене, где висела единственная фотография. Женщина и мальчик. Жена умерла в первые месяцы пандемии – не от вируса, от паники, от разрыва сердца, как сказали врачи. Мальчик… мальчик выжил. И стал чем-то.

Аркадий коснулся стекла над лицом сына.

– Что ты нашёл там, Лев? – прошептал он в тишину бункера. – И как я могу это изучить?

Наука не признаёт магию. Но наука признаёт эффекты. Аномалии. Необъяснимые явления. То, что произошло на материке, было таким явлением. Стирание материи на квантовом уровне? Локальный коллапс реальности? Аркадию нужно было знать. Даже если это стоило бы ему последнего островка безопасности. Даже если это стоило бы ему жизни.

Он повернулся к главному компьютеру, запустил протокол. Бункер мог работать автономно десятилетиями. Но он не мог работать без цели. А цель теперь была одна – добраться до эпицентра. Взять образцы. Понять. И, возможно… исправить. Не мир. Свою ошибку. Своё наследие.

Он начал готовить экспедицию. Не было страха. Была только холодная, ясная рация исследователя, столкнувшего-

ся с чем-то новым. Даже если этим новым был его собствен-
ный сын, превратившийся в бога праха.

Глава 1: Ковчег в Тумане

Подлодка «Сцилла» была его лучшим творением после «Эвтюмии». Миниатюрная, почти бесшумная, с гибридным двигателем на водорослевом топливе и системой рециркуляции, позволявшей находиться под водой месяцами. Она ждала его в подводном ангаре, пришвартованная, как спящая рыба.

Аркадий проверил системы в последний раз. Запасы продовольствия на год. Оборудование для забора проб, спектрографы, квантовые детекторы собственной разработки. Оружие – нет. Он никогда не верил в грубую силу. Его оружием был разум. Или так ему казалось.

Он запустил двигатели. Шлюз открылся, впуская мутно-зелёную воду океана. «Сцилла» плавно выскользнула из утробы бункера и начала подъём.

Когда перископ показал поверхность, он увидел туман. Густой, молочно-белый, скрывающий всё дальше ста метров. Океан был мёртв. Ни птиц, ни рыб, ни мусора. Только тихий плеск волн о корпус и это всепоглощающее молочно-белое безмолвие.

Он взял курс на материк. По расчётам, до ближайшей уцелевшей точки – бывшего порта – должно было быть трое суток. Он погрузился на крейсерскую глубину и отдался течениям, доверив навигацию компьютеру.

Первые двое суток он спал, читал отчёты, проверял приборы. На третьи сутки его разбудил сигнал. Не тревоги. Удивления. Спектрограф показывал аномальные чтения в воде. Частицы, которых не должно было быть. Не органические останки. Не пластик. Что-то среднее между пеплом и металлической пылью. Концентрация росла по мере приближения к берегу.

Аркадий взял пробу. Под микроскопом материал выглядел инертным, однородным, но при этом… сложным. Как будто всё – дерево, плоть, бетон – было измельчено до одинаковых элементарных частиц, лишённых памяти о своей первоначальной форме. Это не было естественным распадом. Это было приведением к общему знаменателю. Насильственным упрощением.

«Энтропия, ускоренная до логического завершения», – записал он в бортовой журнал. Но что могло быть её катализатором?

Ночью ему приснился сон. Вернее, воспоминание. Лев,

лет семи, сидит на полу с конструктором. Он строит башню, а потом, без всякой причины, резким движением руки сносит её. Не со зла. С любопытством. «Я хотел посмотреть, как она падает», – говорит он потом, глядя на отца своими спокойными, слишком взрослыми глазами.

Аркадий проснулся с сухостью во рту. Конструктор. Он дал миру конструктор под названием «Эвтюмия». А Лев… Лев нашёл способ снести башню. Окончательно.

Утром туман рассеялся. На горизонте показалась полоса берега. Но это был не берег. Это была ровная, серая линия, как будто кто-то провёл под линейку границу между морем и… ничем. Ни скал, ни построек, ни деревьев. Только гладкая, будто отполированная равнина пепла, уходящая вглубь материка.

Аркадий подвёл «Сциллу» как можно ближе, надел защитный костюм (бесполезный, но протокол есть протокол) и вышел на эту новую землю.

Песок под ногами был не песком. Он был мягким, однородным, без единого камешка, ракушки, щепки. Как пепел от идеального, всепоглощающего огня, который не оставляет углей. Он прошёл сто метров, двести. Ничего. Ни рельефа, ни цвета. Только серое море под серым небом. Тишина

была такой полной, что в ушах начинал звучать собственный кровоток.

Он наклонился, взял пригоршню этого праха. Поднёс к лицу. Не пахло ничем. Абсолютно. Ни гарью, ни тленом. Это было самое пугающее.

И тут он увидел след.

Не животного. Человеческий след. Свежий, чёткий, ведущий вглубь материка. Кто-то прошёл здесь не больше часа назад.

Аркадий замер. Рация в его голове дала сбой. Расчёт говорил, что здесь не может быть выживших. Но факт был перед ним. Он пошёл по следам.

Они привели его к единственному объекту, нарушавшему монотонность пейзажа. Кривая, чёрная, обугленная ветка, торчащая из пепла, как палец скелета. А рядом – сидел человек.

Молодая женщина. Сидела, обхватив колени, и смотрела в пустоту. На ней была поношенная, но чистая парка. Волосы, тёмные и спутанные, падали на лицо. В руках она сжимала посох, но не целый – обломок, с разбитым кристаллом

на конце.

Аркадий узнал её с фотографий, которые анализировал в бункере. Спутниковые снимки, сделанные в первые годы пандемии. Девушка, перемещающаяся между поселениями выживших. Её называли по-разному: Странница, Сестра, Алиса.

Она не отреагировала на его приближение. Её глаза были открыты, но взгляд был обращён внутрь, в какую-то бездну, которую она одна видела.

Аркадий остановился в нескольких шагах.

– Вы… живы, – сказал он, и его голос, непривычный к живому общению, прозвучал хрипло и неестественно громко в этой тишине.

Она медленно подняла голову. Её глаза нашли его, сфокусировались. В них не было ни страха, ни удивления. Было лишь истощение, глубже любого физического изнеможения.

– Он стёр всё, – прошептала она. Голос был тихим, разбитым. – Всё, до чего дотянулся. И себя. И… почти меня. «Почти» – это самое болезненное.

Аркадий сделал шаг ближе.

– Вы говорите о моём сыне. О Льве.

В её глазах что-то дрогнуло. Не удивление. Горечь.

– Так ты… отец. – Она произнесла это без интонации. Констатация. – Он много о тебе думал. В конце. Ненавидел. Но больше… завидовал. Ты сбежал. А ему пришлось остаться.

Аркадий почувствовал, как что-то сжимается у него в груди. Не эмоция. Сбой в расчётах. Он не рассчитывал на эту встречу. Не рассчитывал, что кто-то выживет. Не рассчитывал на этот укор, такой тихий и такой смертельный.

– Я пришёл, чтобы понять, что произошло, – сказал он, возвращаясь к безопасной территории фактов.

Алиса слабо улыбнулась. Это было страшнее, чем слёзы.

– Ты не поймёшь. Это не для понимания. Это для… переживания. А пережить это можно только один раз. Он уже всё пережил. За всех.

Она подняла обломок посоха.

– Упрямство, – сказала она. – Я назвала его Упрямством. Он держал. Связывал. Не давал рассыпаться. А палочка твоего сына… она была Распадом. Отрицанием самой связи. Когда они столкнулись… получился белый шум. Тишина. Вот это. – Она махнула рукой, очерчивая горизонт.

Аркадий смотрел на обломок. Его научный ум жадно анализировал данные: артефакт, магия, противостояние сил… Но другой частью, той, которую он давно похоронил под слоями логики, он слышал только одно: его сын нашёл способ стереть мир. И себя. И почти стёр эту девушку.

– Он мёртв? – спросил Аркадий, и даже для его собственных ушей вопрос прозвучал слишком плоско.

– Мёртв? – Алиса усмехнулась снова. – Он стал этим. – Она ткнула посохом в пепел. – Он везде и нигде. Он – конец. И я… я должна была уйти вместе со всем. Но Упрямство… даже сломанное, оно держало. Оставило кусочек. Незаслуженный кусочек.

Она встала. Её движения были медленными, болезненными.

– Зачем ты пришёл, отец? Чтобы сказать «прости»? Или

чтобы взять образцы? Изучить феномен? Создать новый?

– Чтобы… исправить, – сказал Аркадий, и впервые за много лет произнёс слово, не имеющее научного определения.

Алиса посмотрела на него долгим, пронзительным взглядом.

– Ничего нельзя исправить. Можно только… не мешать тому, что пытается вырасти на пепелище. Если что-то ещё способно расти.

Она повернулась и пошла прочь, в глубь серой равнины, хромая, но с прямой спиной.

– Куда вы? – окликнул её Аркадий.

– Искать тех, кого не стёрло. Если они есть. Искать смысл таскать этот обломок. – Она не обернулась. – А ты… возвращайся в свой ковчег, учёный. Твой эксперимент окончен. Отчёт написан пеплом.

Аркадий стоял и смотрел, как её фигура медленно растворяется в серой дымке. Рация в его голове наконец выдала результат, холодный и неоспоримый:

ГИПОТЕЗА: Сын (субъект Лев) активировал артефакт (Распад), вызвавший когерентную аннигиляцию материи в радиусе неизвестной протяжённости.

НАБЛЮДЕНИЕ: Единственный выживший свидетель (субъект Алиса) демонстрирует признаки глубокого психологического и, возможно, метафизического повреждения.

ВЫВОД: Вмешательство невозможно. Явление необратимо.

РЕКОМЕНДАЦИЯ: Возврат в точку отсчёта (бункер). Продолжение наблюдения с безопасной дистанции.

Но его ноги не двигались. Он смотрел на след Алисы, уходящий в никуда. Смотрел на чёрную ветку, торчащую из пепла – последний осколок палочки его сына. Смотрел на этот бескрайний, мёртвый, идеально чистый лист.

И впервые с того дня, как ушёл из дома, Аркадий, создатель «Эвтюмии», отец бога праха, почувствовал невыносимое, иррациональное, не поддающееся расчёту желание.

Он хотел пойти за ней.

Глава первая: ОБЛОМКИ УПРЯМСТВА

Она не ждала, что он пойдёт за ней.

Алиса шла, не оглядываясь, увязая в серой пыли по щиколотку. Каждый шаг отдавался тупой болью в висках – не физической, а той, что возникает, когда внутри пусто, а снаружи – ещё большая пустота. Обломок посоха тянул руку к земле, как якорь. Упрямство. Сейчас это было просто палкой. Деревяшкой, напоминающей о провале.

Сзади донёсся звук – не шаги, а шарканье, тяжёлое и неуклюжее. Она остановилась. Обернулась.

Он шёл. Учёный. Отец. Человек в сером защитном костюме, похожий на большого, неуместного насекомого на этом мёртвом поле. Он не пытался её догнать, просто двигался по её следам, методично, как машина. Его лицо за стеклом шлема было бледным и сосредоточенным.

Алиса вздохнула. Ни удивления, ни злости. Была только усталость. Бесконечная, как этот пепел.

– Вы забыли что-то? – её голос прозвучал хрипло. Она не разговаривала вслух несколько дней. Со времён… со времён Белого Шума.

Он остановился в десяти метрах, поднял руку, поправил что-то на запястье. Коммуникатор, наверное.

– Я принял решение, – сказал его голос, усиленный динамиком. Звучало неестественно, как голос синтезатора. – Вы – единственный источник данных о событии. Ваши показания необходимы.

– Показания? – Алиса слабо покачала головой. – Я уже всё показала. Вот это. – Она опять махнула рукой. – Больше ничего нет.

– Ваше выживание – аномалия. Её необходимо изучить. Также необходимо определить границы зоны поражения, состав…

– Вы хотите взять меня в лабораторию? Разрезать? Понять, почему кусок мяса уцелел, когда всё вокруг стало пылью?

Он помолчал. Его глаза за стеклом сузились.

– Это был бы неэтично. Но наблюдение, опросы, неинвазивные тесты…

– Нет

Он снова замолчал. Казалось, он перебирает варианты ответа, как компьютер – алгоритмы.

– Тогда я последую за вами, – заключил он. – Чтобы обеспечить вашу безопасность и продолжить наблюдение в полевых условиях.

Алиса рассмеялась. Звук вышел горьким и пустым.

– Моя безопасность? Вы видите вокруг хоть одну угрозу? Даже мухи здесь нет. Даже ветра. Здесь ничего нет. Его здесь нет. Только пыль. И ваши… данные.

Она развернулась и пошла дальше. Через несколько минут шарканье возобновилось. Он следовал за ней, как тень. Настырная, нелепая тень в костюме химзащиты.

Они шли так несколько часов. Серость не менялась. Линия горизонта оставалась идеально ровной. Иногда под ногами попадались странные предметы – не предметы, а их призраки. Ровный металлический шарик, будто отполированный до зеркального блеска. Кусок стекла, идеально круглый, без единой царапины. Осколок кости, гладкий, как мрамор.

Всё, что имело хоть какую-то прочность, сложную структуру, было сведено к простейшей, инертной форме. Остальное стало пылью.

Аркадий (она вспомнила его имя из тех редких моментов, когда Лев, в бреду или ярости, бормотал о «папаше Аркадии») иногда останавливался, брал образцы, клал в контейнеры, что-то бормотал себе под запись. Его действия были лишены всякой эмоции. Механические. Как будто он исследовал Марс, а не остатки мира, который отчасти создал сам.

К вечеру (хотя времени здесь не было – только вечный серый сумрак) Алиса почувствовала, как ноги подкашиваются. Голод и жажда, заглушённые шоком, напомнили о себе. Она остановилась, опустилась на колени, достала из рюкзака почти пустую флягу. Сделала глоток тёплой, затхлой воды.

Он наблюдал за ней с расстояния.

– У меня есть запасы, – сказал он наконец. – Питательные концентраты, очищенная вода. Вы можете…

– Я не хочу ваших концентратов, – отрезала она. – Они пахнут… будущим. А будущего нет.

– Биологически вам необходимо питание и гидратация,

чтобы…

– Чтобы что? Прожить на день дольше в этой пустыне? Спасибо, не надо.

Она прилегла на пепел. Он был мягким, как перина, и холодным, как могила. Закрыла глаза. Через мгновение услышала его шаги совсем близко. Открыла один глаз.

Он стоял над ней, держа в руках плоскую упаковку и маленькую бутылку.

– Это не предложение, – сказал его безэмоциональный голос. – Это необходимость. Вы – ключевой свидетель. Ваша смерть от истощения будет иррациональной потерей данных.

Алиса смотрела на него. В его глазах не было ни жалости, ни даже простого человеческого участия. Была только холодная целесообразность. Как у хирурга, который кормит пациента, чтобы потом провести на нём операцию.

И почему-то это было менее оскорбительно, чем фальшивая забота. Здесь была честность. Страшная, ледяная честность.

Она медленно села, взяла упаковку. Там была безвкусная,

серая паста. Она выдавила её в рот, проглотила. Запила водой из его бутылки. Вода была холодной и чистой. Противно чистой.

– Спасибо, – пробормотала она автоматически.

– Не за что. Это логично, – ответил он. Потом сел неподалёку, спиной к ней, и начал что-то печатать на планшете.

Наступила тишина. Та самая, абсолютная. Алиса смотрела на его спину. На костюм, на шлем. На человека, который создал таблетку, убившую мир. И который теперь кормил её пастой, чтобы сохранить «данные».

– Он вас ненавидел, – сказала она вдруг, не планируя. Слова вырвались сами.

Спина Аркадия напряглась. Его пальцы замерли над экраном.

– Я знаю, – ответил он через динамик. – Вероятность этого, учитывая мои действия, стремилась к ста процентам.

– Но больше он завидовал, – продолжила Алиса, глядя в серое небо. – Вы смогли сбежать. Построить свой идеальный мирок. А он остался в аду, который вы помогли создать.

И когда ему в руки попала сила… он не стал строить. Он стал уничтожать. Чтобы сравняться с вами. Чтобы стереть разницу между тем, кто сбежал, и тем, кого бросили.

Аркадий медленно обернулся. Его лицо за стеклом было непроницаемым, но в глазах что-то дрогнуло. Не эмоция. Сбой в вычислениях.

– Вы предполагаете, что его мотивация была эмоциональной. Местью. Обидой.

– А какой ещё? – Алиса усмехнулась. – Вы думаете, он проводил эксперименты? Составлял отчёты? Нет. Он просто… хотел, чтобы всё перестало болеть. Чтобы мир стал таким же простым и пустым, как он сам внутри. И он нашёл способ.

– Палочка, – прошептал Аркадий. – Артефакт Распада. Вы знаете, откуда она?

Алиса покачала головой.

– Они… приходят. Из мест силы. Из разломов реальности, которые появились после Вашего Великого Провала. Как мой посох. Как другие безделушки, которые люди находили. Одни дают силу подчинять. Другие – лечить. Третьи –

разрушать. Они как… инструменты. Без инструкций. И люди, которые берут их… они либо ломаются под их весом, либо сами становятся инструментом.

Она посмотрела на обломок в своей руке.

– Я хотела помогать. Держать. Не давать развалиться последним островкам. Я думала, это правильно. А он… он хотел, чтобы всё развалилось. Чтобы нечего было держать. И в конце… он оказался сильнее.

Аркадий слушал, не перебивая. Его взгляд был прикован к её лицу. Он не записывал. Просто слушал.

– И что теперь? – спросил он наконец. – Вы продолжаете идти. С какой целью?

Алиса закрыла глаза.

– Чтобы найти край. Где кончается его пепел и начинается… что-то ещё. Грязь. Боль. Жизнь. Может быть, там… мне найдётся работа. Для этого, – она подняла обломок. – Или чтобы понять, что работы больше нет. И тогда можно будет наконец… отпустить.

Она открыла глаза и посмотрела на него прямо.

– А вы? Зачем вы идёте? Данные уже собраны. Вы видели эпицентр. Видели выжившую. Можете возвращаться в свой бункер и писать диссертацию.

Аркадий отвёл взгляд. Он смотрел на горизонт, на ровную серую линию.

– Мой бункер… это машина для выживания. Но выживание без цели – это бессмысленная трата ресурсов, – сказал он тихо, как будто признаваясь себе. – Я создал «Эвтюмию», чтобы избавить мир от боли. Я создал непреднамеренный апокалипсис. Мой сын нашёл способ завершить его, привести к абсолютному нулю. Я… я не могу просто наблюдать. Я должен… понять. Не только физику явления. Логику. Если в этом мире появились артефакты, магия… значит, мои модели реальности неполны. Значит, я что-то упустил. И это «что-то»… оно может быть ключом. Не к исправлению. К… пониманию. Почему всё пошло так, а не иначе.

В его голосе впервые прозвучало что-то человеческое. Не вина. Любопытство. Ненасытное, всепоглощающее любопытство учёного, столкнувшегося с чудом.

Алиса смотрела на него, и ей вдруг стало его жалко. Не как отца. Как ребёнка, который разобрал часы, чтобы посмот-

реть, как они работают, и не может собрать их обратно.

– Тогда идите, – сказала она устало. – Собирайте свои данные. Но не ждите, что я буду вашей лабораторной крысой. И не ждите, что найдёте ответы. Их нет. Есть только пепел и упрямство.

Она повернулась на бок, спиной к нему, и закрыла глаза, давая понять, что разговор окончен.

Через некоторое время она услышала, как он встал, отошёл. Потом – тихий гул какого-то прибора. Он продолжал работать. Даже здесь. Даже сейчас.

Алиса уснула. И во сне она снова увидела белый свет. И услышала последний вопрос Льва, обращённый к пустоте: «Ну что, довольны концом?»

И тишину в ответ.

– —

На следующее утро они снова шли. Аркадий шёл теперь ближе, иногда задавая вопросы: о природе артефактов, о других выживших, о том, как работала её сила. Алиса отвечала односложно или молчала. Но он не настаивал. Просто

фиксировал.

К полудню пейзаж начал меняться. Сначала появились неровности – мягкие холмы из пепла. Потом – первые твёрдые объекты. Остовы машин, сплющенные, будто побывавшие под прессом, но не рассыпавшиеся в пыль. Обломки бетонных плит. Они дошли до границы зоны полного распада.

Алиса остановилась, глядя на эту переходную полосу. Здесь смерть была не чистой, а грязной, беспорядочной. Как и жизнь.

– Радиус, – пробормотал Аркадий, глядя на показания прибора. – Примерно тридцать семь километров от эпицентра. Дальше эффект ослабевал. Неполный распад. Деформация.

Алиса не слушала. Она смотрела на ржавый каркас автобуса, на полусгнившую шину. Это было уродливо. Отталкивающе. И бесконечно дорого.

Она сделала шаг вперёд, за границу пепла. Нога утонула в грязи, смешанной со снегом. Пахло тленом, ржавчиной, разложением. Она вдохнула этот запах полной грудью. И заплакала. Впервые с того момента, как очнулась в серой пустыне.

Позади раздался шорох. Аркадий стоял на границе, глядя на неё. На её слёзы. Его лицо выражало лёгкое недоумение, как будто он наблюдал необъяснимую химическую реакцию.

– Это… признак регресса, – сказал он наконец. – Эмоциональная разрядка после длительного шока. Полезно для психики.

Алиса вытерла лицо рукавом. Не оборачиваясь, пошла дальше, в мир обломков, грязи и запаха смерти, которая была хоть какой-то жизнью.

И через несколько шагов услышала, как он, преодолев нерешительность, шагнул за ней. Его костюм хрустнул по мёрзлой грязи. Он шёл следом, как и прежде. Но теперь они вышли из царства праха. И вступили в царство руин.

А где-то впереди, в этом царстве, могли быть другие люди. Другие артефакты. Другие истории. И, возможно, ответы на вопросы, которые Аркадий даже не успел задать.

Алиса сжала обломок посоха. Упрямство. Даже сломанное, оно тянуло её вперёд. Не к спасению. К чему-то, что могло оказаться хуже. Но это было движение. А в этом мире, состоящем из конца, любое движение уже было бунтом.

Они шли дальше. Учёный и последняя свидетельница. Отец и призрак сына. Два обломка в мире, который не имел ни малейшего представления, что с ними делать.

Глава вторая: ЦАРСТВО ГРЯЗИ И ГОЛОДА

Мир за границей пепла оказался не миром, а его бледной, гниющей тенью. Разруха здесь была старой, привыкшей к себе. Руины домов поросли бурьяном, который пробивался сквозь трещины в бетоне и тут же чернел от мороза. Ветер гулял по пустым проспектам, гоняя перед собой клочья полиэтилена и пепел от давно потухших костров.

Алиса шла быстрее, почти не глядя по сторонам. Её шаги были увереннее – она вернулась в знакомый ад. Ад с ориентирами, с запахами, с опасностями. Это было почти уютно.

Аркадий, напротив, замедлился. Его научный взгляд жадно поглощал детали: градиент разрушения, характер растительности (вернее, её отсутствия), следы эрозии. Он останавливался, чтобы сфотографировать полустёртые граффити на стене, сделать спектральный анализ облупленной краски.

– Вам стоит двигаться тише, – сказала Алиса, не оборачиваясь. – И не светиться приборами. Здесь могут быть люди. Или не совсем люди.

– Зомби-носители вируса «Эвтюмии-Дельта», – кивнул Аркадий, как будто она сообщила прогноз погоды. – Да, я изучал модели их поведения. На открытой местности они предпочитают…

– Они предпочитают кусать, – оборвала его Алиса. – А ещё здесь могут быть те, кого хуже зомби. Те, кто выжил и не сошёл с ума. Они опаснее.

Аркадий нахмурился.

– С точки зрения выживания, кооперация более рациональна, чем конфликт.

Алиса коротко усмехнулась.

– Расскажите это Громиле. Или Льву. Рациональность кончилась вместе с вашей «Эвтюмией». Теперь правит закон: либо ты ешь, либо едят тебя. Или ты становишься тем, кого боятся больше, чем голода.

Он посмотрел на неё, на её сжатый обломок посоха, на тонкую, но несгибаемую спину.

– Вы боитесь?

– Я устала бояться, – ответила она просто. – Теперь я просто осторожна.

Они свернули в переулок, заваленный обломками кирпича. И тут Аркадий впервые увидел их. Не зомби. Людей.

Трое. Сидели у разведённого прямо на асфальте костра, грея над ним консервную банку. Оборванные, грязные, с потухшими глазами. У одного было ружьё, прислонённое к плечу. Они услышали шаги и подняли головы. В их взглядах не было ни угрозы, ни интереса. Была пустота глубже, чем у Аркадия.

– Эй, – хрипло сказал человек с ружьём. – Стой.

Алиса остановилась. Аркадий последовал её примеру, его рука инстинктивно потянулась к сканеру на поясе, но он остановил себя.

– Мы просто проходим, – сказала Алиса ровно. – Не хотим проблем.

– У всех проблемы, – пробормотал второй, помоложе, не отрывая глаз от банки. – Что у вас есть?

– Ничего, что вам нужно, – ответила Алиса.

Человек с ружьём медленно поднялся. Его движения были вялыми, как у сонного хищника.

– Рюкзак. Покажи.

Аркадий сделал шаг вперёд, встал между ним и Алисой.

– Это нерационально, – сказал он своим безэмоциональным, усиленным голосом. – У нас нет излишков. Конфликт приведёт к затратам энергии и риску травм без гарантированной выгоды.

Трое смотрели на него, как на говорящую машину. Что, в сущности, и было правдой.

– Ты в химкостюме, – сказал молодой. – Значит, у тебя есть фильтры. Вода. Еда. Отдавай костюм.

– Без костюма я подвергнусь воздействию патогенов, – констатировал Аркадий. – Это неприемлемо.

Человек с ружьём взвёл курок. Звук был громким в тишине переулка.

– А я сейчас тебя разнесу, и твои патогены тебе будут похуй.

Аркадий замер. Его мозг молниеносно просчитывал варианты. Уклонение, попытка обезоружить, применение имеющихся средств (в кармане костюма был шокер) … Вероятность успеха – 34%. Вероятность гибели Алисы – 67%. Неоптимально.

И тут Алиса вздохнула. Глубоко, устало. Она подняла обломок посоха.

– Отстаньте, – сказала она тихо. Но в её голосе было что-то, что заставило всех троих на мгновение оторвать взгляд от Аркадия.

– Что у тебя, палочка? – усмехнулся человек с ружьём. – Выглядит херово.

– Она сломана, – согласилась Алиса. – Но то, что в ней осталось… оно не для таких, как вы. Оно для чего-то большего. И если я потрачу это на вас… мне будет жалко. Не вас. Силы.

Она говорила так, будто обсуждала погоду. Без угрозы. Без вызова. Просто констатация факта.

И что-то в этой абсолютной уверенности, в её усталых, видевших конец света глазах, сработало. Человек с ружьём медленно опустил ствол. Не из страха. Из того же самого утомления, что было и у них.

– Пошли к чёрту, – пробормотал он, садясь обратно к костру. – Всё равно одни консервы. И те уже протухшие.

Алиса кивнула, как будто поблагодарив за понимание, и пошла дальше. Аркадий последовал за ней, его логические цепи перегружены. Он не понимал. Угроза была реальной. Вероятность применения силы – высокой. Но она… просто поговорила. И это сработало.

– Как вы это сделали? – спросил он, когда они вышли на следующий проспект.

– Они были не голодные, – ответила Алиса. – Они были уставшие. Уставшие от страха, от борьбы, от всего. Когда ты так устал, проще отпустить, чем драться. Они уже мертвецы. Просто ещё не легли в землю.

– Но они могли выстрелить.

– Могли. Но не выстрелили. Потому что я не испугалась.

Страх – это искра. Нет искры – нет огня.

Она посмотрела на него.

– Вы не боитесь, потому что не понимаете. Они не боялись, потому что им уже всё равно. А я… я просто выбрала не тратить на них то немногое, что у меня осталось.

Аркадий молча переваривал это. Его модели человеческого поведения не включали параметр «усталость от существования». Это была новая переменная. Сложная. Интересная.

К вечеру они нашли место для ночлега – полуразрушенную аптеку. Витрины были выбиты, пол завален хламом и битым стеклом. Но задняя комната, где когда-то хранились лекарства, оказалась цела. И, что важнее, пуста.

Алиса забаррикадировала дверь обломком стеллажа, развела маленький, почти бездымный костёр из обломков мебели. Аркадий, наконец, снял шлем. Воздух в помещении был холодным и пах пылью и старостью, но не трупным ядом. Дышать можно было.

Он предложил ей концентрат. На этот раз она взяла без споров. Они ели молча, сидя на полу, спиной к холодной стене.

– Что вы ищете, Алиса? – спросил Аркадий вдруг, нарушая тишину. – Конкретно. Не «край пепла». Цель.

Она долго смотрела на огонёк.

– Есть место. Лагерь. Вернее, то, что от него осталось. Люди называли его «Утёс». Он был на окраине, у старой каменоломни. Там собирались те, кто… кто пытался не просто выживать. Помнить. Сохранять книги, знания, навыки. Глупо, да?

– Нет, – сказал Аркадий. – Это рационально. Знания повышают шансы на выживание группы.

– Это было не для выживания, – покачала головой Алиса. – Это было… из упрямства. Как мой посох. Они знали, что мир кончился. Но отказывались верить, что всё, что было до, должно исчезнуть насовсем. Я была там несколько раз. Приносила лекарства, если находила. Они… они дали мне имя. Сестра. Хотя я никому не сестра.

Она замолчала, сглотнув комок.

– Когда Лев начал свою охоту… я побежала туда. Чтобы предупредить. Чтобы помочь уйти. Но я опоздала. Я увиде-

ла только… начало. Он был уже там. С палочкой. А они… они стояли вокруг него. Живые. И смотрели. Не с ужасом. С каким-то странным пониманием. Как будто знали, что это конец, и приняли его.

Она закрыла глаза.

– Я не видела, что он с ними сделал. Я убежала. Спасала свою шкуру. Потом был Белый Шум. А теперь… теперь я хочу вернуться. Увидеть. Может, кто-то выжил. Может… мне нужно просто закрыть эту дверь. Чтобы идти дальше. Если есть куда.

Аркадий слушал, не перебивая. Его учёный ум фиксировал: чувство вины, потребность в завершении, иррациональная надежда. Но что-то ещё – более глубокое – отзывалось в нём. Потребность увидеть. Зафиксировать последствия. Не в данных. Воочию.

– Я пойду с вами, – сказал он.

– Не из-за данных, – уточнила Алиса, открыв глаза.

Он встретил её взгляд.

– Нет. Чтобы увидеть. Что оставил после себя мой сын.

Кроме пепла.

В эту ночь Аркадию приснился сон. Не сон – симуляция. Его мозг, обрабатывая дневные впечатления, создал модель. Он видел Льва, стоящего в кругу людей. Видел, как те смотрят на него не со страхом, а с признанием. Как будто видят в нём не палача, а… жнеца. Естественный конец. И Лев, в его симуляции, не злился. Он был спокоен. И в его руке палочка светилась не яростью, а холодным, чистым светом абсолютного разрешения.

Аркадий проснулся с чёткой мыслью, не научной, а почти философской: его сын не стал монстром. Он стал функцией. Инструментом завершения. И, возможно, в каком-то извращённом смысле, это было более страшно, чем простая жестокость.

Наутро они двинулись дальше, к «Утёсу». По пути дважды прятались от бродящих зомби – небольших, полуразложившихся групп. Аркадий с интересом наблюдал за их движениями, за отсутствием координации. Его вирус работал именно так – сохраняя базовые двигательные функции и агрессию, стирая всё остальное. Элегантно. Ужасающе элегантно.

Через несколько часов ходьбы среди всё более диких руин

показались outlines каменоломни – громадный провал в земле, окружённый грудой щебня. А над ним, на самом краю обрыва, цепляясь за скалу, стояло несколько полуразрушенных зданий – бывшие административные постройки. «Утёс».

Алиса замерла, глядя на них. Её лицо стало каменным.

– Тишина, – прошептала она.

И правда – ни дыма, ни движения, ни звуков. Только ветер выл в расщелинах скал.

Они поднялись по заросшей тропе. Первое, что они увидели, – труп. Вернее, то, что от него осталось. Скелет, одетый в лохмотья, лежал лицом вниз у входа в самое большое здание. Череп был раздроблен. Но не от удара. Как будто… рассыпался изнутри.

Алиса подошла, наклонилась. Не притронулась.

– Он был одним из старейших. Знал историю, мог по памяти цитировать книги. Его звали Марк.

Она вошла внутрь. Аркадий – за ней.

Внутри было царство пыли и тишины. Большая комна-

та, похожая на столовую или зал собраний. Столы и стулья стояли ровными рядами, как будто ждали, когда начнётся лекция. На стенах висели самодельные карты, схемы, выцветшие фотографии старого мира. Библиотека – стеллажи с книгами, аккуратно завёрнутыми в полиэтилен. Всё было идеально чисто, на своих местах.

И везде лежали они.

Люди. Вернее, их останки. Десятка полтора. Они сидели на стульях, лежали на столах, прислонились к стенам. Их тела не разложились. Они были… целыми. Но мёртвыми. На лицах не было ни ужаса, ни боли. Было спокойствие. Почти умиротворение. Как будто они просто заснули.

И на каждом – на лбу, на груди – лежала аккуратная горсть серого пепла. Как последний дар. Или клеймо.

Алиса стояла посреди зала, её плечи. Она смотрела на эту жуткую, стерильную картину. Не резни. Ритуала.

– Он не убил их, – прошептала она. – Он… освободил. Так, как понимал освобождение. Стер их боль, их воспоминания, их самих. Оставил только форму. И пепел.

Аркадий медленно обходил зал. Его научный ум отча-

янно пытался классифицировать: массовое самоубийство? Нет, признаков насилия нет. Отравление? Нет изменений в тканях (он рискнул прикоснуться в перчатке к руке одного из тел – кожа была сухой, пергаментной, но целой). Это было что-то иное. Магическое. Точечное, контролируемое применение силы Распада, забравшее жизнь, но оставившее оболочку.

Он подошёл к одному из столов. На нём лежала открытая тетрадь. Последняя запись, сделанная аккуратным почерком:

«Он пришёл, как ответ на наш вопрос. Мы спрашивали: как жить, когда мир мёртв? Он показал: не жить. Быть памятником себе. Мы выбираем стать памятниками. Добровольно. Пусть тот, кто найдёт, знает: мы не сдались. Мы закончили. По своей воле.»

Подпись: Марк.

Аркадий оторвал взгляд от тетради. Его сын. Его мальчик. Он дал им не смерть, а… альтернативу. Извращённую, страшную, но альтернативу. И они приняли её.

– Он стал для них пророком, – сказал он вслух, и его голос прозвучал чужим.

– Нет, – ответила Алиса. Она подошла к стене, к одной из фотографий. На ней – группа людей, улыбающихся, на фоне ещё не разрушенного города. – Он стал зеркалом. Они смотрели в него и видели конец, которого сами хотели, но не могли совершить. И он… оказал им эту услугу.

Она сорвала фотографию со стены, сунула в рюкзак.

– Здесь больше нечего делать. Они нашли свой покой. Мне здесь не место.

Она вышла из зала, не оглядываясь. Аркадий последовал, но на пороге остановился, оглядевшись в последний раз. Эта комната, эти «памятники»… это было самое чёткое, самое ясное послание, которое оставил после себя Лев. Не хаос. Порядок. Порядок небытия.

На улице Алиса ждала его, глядя на тусклое солнце.

– Куда теперь? – спросил Аркадий.

– Вперёд, – сказала она. – Пока ноги носят. Пока… пока есть что нести.

Она посмотрела на обломок посоха, потом на него.

– А вы? Данные собраны. Увидели, что оставил ваш сын. Можете возвращаться.

Аркадий посмотрел на здание «Утёса», на это мавзолей добровольного забвения. Потом на Алису – на последнего живого человека, знавшего Льва в конце. На её упрямство, сломанное, но не сдающееся.

Его рация, холодный голос логики, подсказывала: возвращаться. Анализировать. Составлять отчёты.

Но другой голос, тихий, новый, спрашивал: а что потом? Жить в бункере, зная, что там, снаружи, твой сын стал чем-то вроде бога для тех, кто жаждал конца? Зная, что есть люди, которые всё ещё цепляются за жизнь, как эта девушка с обломком?

Он сделал шаг к ней.

– Я пойду с вами, – повторил он. – Если вы не против. Мои знания… могут быть полезны. Медицина, химия, физика. И… мне нужно увидеть больше. Не как учёный. Как… свидетель.

Алиса долго смотрела на него. Потом кивнула. Коротко,

без улыбки.

– Как хотите. Но правило одно: не лезть со своей логикой, когда дело доходит до людей. Здесь правят другие законы. Законы грязи и голода. И если вы не сможете их принять… вас сожрут. Сначала морально. Потом физически.

Она повернулась и пошла вниз, прочь от «Утёса», прочь от застывших в вечном покое памятников.

Аркадий последовал. В его голове продолжали работать расчёты, строиться модели. Но теперь к ним добавилась новая, смутная переменная. Не данные. Цель. Идти вперёд. Свидетельствовать. И, может быть, в конце этого пути понять не только что сделал его сын, но и кто был он сам. Аркадий. Отец. Создатель. Беглец.

Путь впереди был долгим. И вёл он в самое сердце царства грязи и голода. А, возможно, и к чему-то ещё. К чему-то, что могло расти даже на пепелище.

Глава третья: РАЗЛОМЫ

Они шли на юг, следуя старым, почти стёршимся указателям. Алиса вела их интуитивно, как будто сломанный посох в её руках всё ещё чувствовал магнитное поле скрытых артефактов или скопления жизни. Аркадий, напротив, сверялся с портативным GPS-накопителем, на который ещё до катастрофы были закачаны карты региона. Его маршрут был прямым, рациональным – кратчайшее расстояние между точками.

Мир между «Утёсом» и следующей целью – местом, которое Алиса назвала просто «Перекрёсток» – был пустым поразному. Если около эпицентра была мёртвая, чистая пустота, а у «Утёса» – пустота музейного зала, то здесь царила пустота заброшенности. Природа медленно, но верно отвоёвывала своё: трава пробивалась сквозь асфальт, плющ опутывал рекламные щиты, в лужах цвела странная, лишённая хлорофилла плесень. Это был мир, который не умер, а уснул, и снились ему кошмары.

На третий день пути Аркадий впервые столкнулся с тем, что его наука не могла объяснить.

Они обходили полуразрушенный завод, и Алиса вдруг

резко остановилась, подняв руку.

– Не ходи туда.

Он посмотрел в указанном направлении. Обычная заводская площадка, заваленная ржавым металлоломом. Ничего угрожающего.

– Почему? – спросил он, уже включая тепловизор. Никаких источников тепла.

– Чувствую. Воздух… вибрирует. Это место… сломано.

Аркадий поднял счётчик Гейгера. Фон в норме. Спектрометр не показывал аномалий. Он сделал шаг вперёд.

– Я проведу замеры. Если есть опасность…

Он не успел договорить. Земля под его ногой будто провалилась. Не физически – визуально. Пространство исказилось, как в кривом зеркале. Он увидел, как его собственная рука, протянутая вперёд, растянулась на несколько метров, потом сжалась в точку. В ушах зазвенел невысокий, пронизывающий гул, от которого заныли зубы. Воздух стал густым, как сироп.

– Назад! – крикнула Алиса, но её голос донёсся до него искажённым, растянутым, словно из глубокого колодца.

Аркадий попытался отступить. Его ноги двигались мучительно медленно, будто он шагал по смоле. Перед глазами поплыли пятна – не чёрные, а переливающиеся всеми цветами радуги, которых в природе не существует. Его рациональный ум захлёбывался. Оптическая иллюзия? Массовый психоз? Отравление неизвестным газом?

И тогда он увидел их.

Фигуры. Не зомби. Не люди. Что-то вроде сгустков мерцающего света, принимающих обрывчатые, непостоянные формы. Они медленно кружили в центре площадки, вокруг объекта, который невозможно было разглядеть – глаза отказывались фокусироваться на нём, соскальзывали. Это было место, где реальность была прошита, как плохо сшитая ткань, и сквозь швы проглядывало что-то иное.

Алиса не кричала больше. Она стояла на границе этого поля искажения, упёрла обломок посоха в землю и что-то шептала. Обломок не светился, но воздух вокруг него будто густел, становился более устойчивым. Она создавала пузырь нормальности в этом море безумия.

– Шаг… за шагом… – её голос донёсся до него, разбитый на слоги. – Не… смотри… на них… Смотри… на меня…

Аркадий заставил себя оторвать взгляд от мерцающих фигур. Уставился на Алису. На её бледное, напряжённое лицо. Он стал двигаться к ней, повторяя как мантру: шаг, ещё шаг. Каждый шаг давался с трудом, будто он тащил за собой всю тяжесть искажённого пространства.

Когда он наконец вывалился за невидимую границу, мир с громким хлопком вернулся в норму. Гул стих. Фигуры исчезли. Площадка снова была просто площадкой.

Аркадий тяжело дышал, опираясь на колени. Его тошнило. Данные с приборов, которые он всё ещё сжимал в руке, прыгали на экранах, показывая абсурдные цифры, прежде чем успокоиться.

– Что… что это было? – выдохнул он.

– Разлом, – ответила Алиса. Её лицо покрылось испариной. – Место, где ткань мира тонкая. Они появляются всё чаще. После… после того, как твой сын ударил по ней изо всех сил. Здесь… здесь можно найти артефакты. Или смерть.

– Эфирные сущности? Проекции из других измере-

ний? – Аркадий пытался вернуться к знакомой терминологии, но слова звучали пусто.

– Не знаю, – пожала плечами Алиса. – Призраки? Отголоски? Они не нападают. Просто… существуют. Но если долго смотреть на них, можно забыть, кто ты. И остаться там навсегда. Я видела таких. Они стояли на краю разлома и смеялись. Пока не умолкли.

Аркадий выпрямился, смотря на безобидную с виду площадку. Его научный мир дал трещину. Здесь были явления, не укладывающиеся ни в одну известную ему модель. Это было одновременно страшно и восхитительно.

– Нужно исследовать, – пробормотал он. – Взять пробы пространства, энергии…

– Можно, – сказала Алиса. – Если хочешь сойти с ума или раствориться в воздухе. Моё Упрямство… оно может ненадолго стабилизировать маленький участок. Но даже оно не лечит разломы. Оно только латает дыры в людях.

Она посмотрела на свой обломок с грустью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.